

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

«Исследования по общей теории грамматики», под ред. В. Н. Ярцевой. — М., изд-во «Наука», 1968, 291 стр.

Научный совет по теории советского языкознания при Институте языкознания АН СССР выпустил интересный сборник, объединяющий следующие работы: В. Н. Ярцева «Взаимотношение грамматики и лексики в системе языка»; Н. Д. Арутюнова «О значимых единицах языка»; М. М. Гухман «Грамматическая категория и структура парадигм»; Т. В. Булыгина «Грамматические оппозиции»; В. Г. Адмони «Типология предложения». Уже самый состав авторов обеспечивает высокий теоретический уровень статей, глубину разработки поставленных в них проблем.

В статье В. Н. Ярцевой центральным является положение о том, что разным уровням языка присущи разные структурные типы моделей. Эта мысль опирается на убедительный тезис, согласно которому уровни языка не есть «восходящие ярусы», но «замкнутая цепь», отдельные звенья которой связаны последовательно друг с другом (стр. 14). Соответственно уровни различаются не по участию простейших единиц одного уровня в организации простейших же единиц другого, следующего уровня, а по типам строения моделей и по их наборам (стр. 26): самый языковой тип складывается из применения в нем... разнохарактерных моделей (стр. 55). Выделяются три типа строения моделей: «жесткое», «относительно жесткое или полужесткое» и «нежесткое». Морфологический уровень характеризуется «жестким» типом строения моделей; признаком «жесткого моделирования» являются ограниченность и определенность 1) порядка следования морфем, 2) форм их соединения и 3) самого количества морфем в составе формы слова. Кроме того, морфологии присущ и «жесткий» тип соотношения моделей, т. е. строгие правила организации парадигм, их строгая противопоставленность и невозможность для парадигмы инородных включений. Синтаксический уровень характеризуется наличием как «жестких», так и «полужестких» моделей: если организация «бинарных» вполне определена («жесткое моделирование»), то возмож-

ности ее расширения и, как следствие, дистантного расположения компонентов демонстрируют уже факт «полужесткости» соответствующей модели. «Полужестким» является в синтаксисе и тип соотношения моделей: в то время как в морфологии формы противопоставляются в пределах «однопорядкового ряда» (парадигмы), «в синтаксисе возникают соотношения по признаку сходства или контрастности значения между моделями, различными по своей структуре» (стр. 28). В лексике тип строения моделей — «полужесткий», а тип соотношения моделей — свободный. «Нежесткие» модели в статье не определяются и не рассматриваются.

Это в целом интересное построение вызывает следующие соображения. Прежде всего, представляется, что те аргументы, которые приводятся в пользу действия в синтаксисе «полужесткого» моделирования, могут быть оспорены. То, что В. Н. Ярцева приводит в качестве основного признака «полужесткого моделирования бинарм» (оставляем в стороне не столь уже бесспорный тезис о бинарме как о простейшей единице синтаксиса; см. об этом ниже), — возможность их расширения и изменения порядка следования элементов, по-видимому, относится уже не к моделированию структуры, а к ее функционированию, к возможностям того, что смоделировано. Бесспорно, что единица, образованная по «жесткой» модели на морфологическом уровне, в рассматриваемых автором языках нечленима, порядок морфем строго закреплён; в синтаксисе так образованная единица членима. Однако говорит ли это об относительной свободе, «нежесткости» моделирования в синтаксисе? Самые правила строения единиц здесь не менее строгие, чем в морфологии, а взаимодействие с лексикой (лексически ограниченное и лексически свободное моделирование) не делает менее «жесткой» самую грамматическую модель. Ведь лексические ограничения действуют и на уровне морфологии и словообразования: общеизвестны случаи закрытости списков слов для некоторых дублетных флексий

в русском языке или ограниченности сочетания очень многих словообразующих аффиксов с тем или другим видом основ именно как мотивирующих лексем.

Другой аргумент в пользу «полужесткости» моделирования в синтаксисе — отсутствие в нем парадигматических отношений, подобных парадигматическим отношениям в морфологии (на стр. 38 В. Н. Ярцева вводит понятие «синтаксической парадигмы»; однако при этом имеются в виду «модели минимальных синтаксических контекстов», т. е. синтагматика). И этот тезис также следует признать спорным. Как бы ни были нестрожки и несовершенны определения синтаксической парадигматики в ряде работ последних лет, сейчас уже нельзя отрицать самый факт существования принадлежащих языку парадигматических изменений синтаксических моделей в соответствии с определенными — и весьма «жесткими» — грамматическими правилами. Поэтому утверждение, что парадигматическим отношениям на уровне морфологии противостоят «соотношения по признаку сходства или контрастности значения» на уровне синтаксиса, звучит как очень неточное. Помимо всего прочего, соотношение «по сходству или контрастности значений» можно найти и на других уровнях, в том числе и на морфологическом.

Неясно, что имеется в виду под «типом строения моделей» в лексике. Это не словообразование: оно, по всем признакам, включается в морфологию. Тезис о «полужестком» моделировании в лексике доказывается: 1) «лексикализацией сочетаний, очень разнообразных по своему строению» и 2) «займствованием лексем, имеющих строение, не свойственное лексике данного языка» (стр. 28). Но очевидно, что пополнение лексики по первому каналу может быть названо моделированием лишь условно, только по отношению к каким-то типам сочетаний; что же касается ее пополнения по второму каналу, то оно вообще не имеет отношения к языковому моделированию. Если пользоваться понятием «модели» по отношению к лексическим заимствованиям, то понятие это, усиленное лингвистов и так уже ставшее достаточно неопределенным, окончательно расплывается.

Еще два относительно частных замечания по статье В. Н. Ярцевой. На стр. 43 и сл. развивается тезис о том, что «сама по себе синтаксическая модель всегда выступает как всеобщая и стопроцентно охватывающая лексический материал языка», что она «изначально» обладает свойством «всеобщности»; примеры приводятся на согласование, которое, действительно, обладает таким свойством. Однако в приведенной формулировке этот тезис опровергается огромным количеством лексически несвободных и лексически закрытых синтаксических моделей, подроб-

но описанных для разных языков и в особенности для русского. Он вступает в противоречие с другим тезисом той же статьи, согласно которому «в отдельных случаях можно наблюдать лексические ограничения в наполнении синтаксических моделей» (стр. 32; приводятся примеры из немецкого языка).

Излагая интересные соображения о минимальном синтаксическом окружении лексем, В. Н. Ярцева пишет, что «сдвиг» в лексических значениях слов создаются «содержанием» присоединяемого слова (ср.: *to walk the streets and to walk the horse; Peasants sell wheat and The wheat sells well* и т. п.; стр. 39). Утверждается, что «решающим фактором» в изменении значения слова «оказывается место, занимаемое словом, его позиция по отношению к другому» (стр. 40). Широко известны споры о том, что первично: появление у слова новой сочетаемости, влекущее за собой изменения в его значении и, следовательно, в его семантической структуре, или появление нового значения, влекущее за собой изменения в сочетаемости. Как бы ни решать этот вопрос, исторически сформировавшееся значение принадлежит слову; это значение не возникает каждый раз в зависимости от окружения, от места слова в минимальном контексте, от «содержания прямого дополнения» (стр. 39). Вероятно, эту неточность следует отнести к собственно изложению; ведь очевидно противоречива и следующая формулировка: «Меня позиций влечет за собой мену значений или, можно сказать, что желаемое значение требует определенной позиции элементов бинама» (стр. 45). То же противоречие можно усмотреть между первыми двумя абзацами на стр. 40.

Статья Н. Д. Арутюновой посвящается проблеме лингвистических единиц, критериев их выделения и определения. Объектом исследования является соотношение в знаке означающего и означаемого (плана выражения и плана содержания, формы и функции) и их роль в процедуре выделения и отождествления существей знака. Автор подробно рассматривает различные концепции, касающиеся степени и характера участия сторон знака в лингвистическом моделировании. С новых сторон показывается асимметрия отношений между означаемыми и означающими и тот факт, что членность формы не свидетельствует о монолитности содержания. Показав, что членность на единицы двух языковых планов не совпадает, что структура плана выражения существенно отлична от структуры плана содержания, Н. Д. Арутюнова устанавливает пять типов синтагматических отношений между элементами этих двух планов: 1) одной единице содержания соответствует один элемент выражения; 2) нескольким элементам содержания соответствует одна неделимая единица вы-

ражения; 3) одной единице содержания соответствует несколько единиц выражения; 4) смешанные отношения; 5) элемент выражения не соотносится с элементом содержания (см. стр. 74—75).

Вслед за Ельмслевом Н. Д. Арутюнова развивает и обосновывает тезис о необходимости раздельного моделирования систем двух языковых планов. Установив, что принципом построения системы является «минимальность различий между непосредственно соотносимыми единицами» (стр. 101), автор приходит к выводу о том, что при моделировании языковых систем необходимо разобщение сторон знака, раздельное описание системы выражения и системы содержания. Такое разобщение приводит к противопоставлению системы языка и его структуры: «отношения между означаемыми образуют функциональную систему языка; воплощение этой системы в означающих составит структуру языка, его реальное строение» (стр. 103—104). Такие понятия, как «избыточность», «недостаточность», «дополнительная дистрибуция», могут быть отнесены только к языковой структуре. Само понятие лингвистической единицы должно быть расчленено: к системе языка относится только одна сторона знака — означаемое. Но и сама эта сторона знака неоднородна: она может или обладать референтной функцией (т. е. быть единицей системы), или участвовать в организации единиц (т. е. быть выразителем их синтагматических отношений). Однако конкретного разграничения «единиц и отношений» автор не дает, справедливо отмечая сложность задачи в связи с большим количеством промежуточных явлений.

Обращаясь к вопросу о единицах структуры, Н. Д. Арутюнова показывает исторические изменения в системе дистриктивных средств («регрессивные» и «прогрессивные сдвиги»). Будучи элементами структуры, эти средства распадаются на элементы, распределенные между разными уровнями; они часто выступают в сложных комбинациях.

В статье Н. Д. Арутюновой много интересных мыслей, отчасти развивающих и углубляющих идеи других лингвистов (автор, как всегда, обнаруживает прекрасную осведомленность в самой современной литературе), но в большинстве случаев оригинальных. Таковы, например, мысли о критериях выделения самостоятельных единиц значения (стр. 65), установление трех видов отношений между элементами языка: отношений вариативности, оппозитивности и манифестации (хотя можно сомневаться в правомерности рассмотрения последних в одном ряду с двумя первыми; см. стр. 100).

Статья М. М. Гухман посвящена грамматическим категориям и структуре парадигм. Эти два вопроса тесно связаны, так как грамматическая категория испол-

не обоснованно рассматривается как микросистема форм, существующая только в парадигме. Одним из центральных в статье является тезис о двумерности грамматических единиц. Сам по себе не новый, этот тезис последовательно распространяется автором не только на морфологические, но и на синтаксические категории; соответственно пересматривается традиционное для западноевропейских грамматик понимание соотношения морфологии и синтаксиса как сфер формы и значения. Это очень важно, так как если по отношению к морфологическим категориям тезис о их двумерности как будто бы уже ни у кого не вызывает сомнений, то по отношению к категориям синтаксическим его еще приходится доказывать и защищать. В этом направлении работа М. М. Гухман — значительный шаг вперед. Показательно, что почти все те признаки и свойства, которые автор устанавливает как характерные для морфологических категорий, могут быть «спроецированы» и на категории синтаксические: синтаксис, как и морфология, является иерархической системой; синтаксическая категория, как и морфологическая, должна рассматриваться как класс, существующий на уровне парадигматики; так же, как и в морфологии, анализ категорий в синтаксисе опровергает искусственный тезис об обязательной бинарности привативных оппозиций; синтаксическая категория может быть представлена многочленной парадигмой — с минимальной границей двучленности; и те и другие категории обладают своими системами «маркеров», т. е. минимальных различительных единиц плана выражения. Естественно, полного и абсолютного параллелизма здесь быть не может. Так, автор справедливо отмечает, что «средства морфологического и специально словоизменительного маркирования более ограничены, чем синтаксические средства» (стр. 133). Однако развиваемый далее тезис о «потенциальной независимости словоформ по отношению к лексическому характеру тех слов, от которых они образуются», звучит несколько прямолинейно: известны случаи ограниченности и даже закрытости списков слов, образующих те или иные формы (см. работы Л. В. Копецкого, А. А. Зализняка). Интересно, что и по отношению к синтаксическим категориям — и на уровне не только словосочетаний (что хорошо известно), но и на уровне структурных схем предложения — нельзя говорить о потенциальной независимости категорий от лексического материала как об универсальном признаке: здесь также наблюдаются случаи лексической несвободности. Так, в русском языке при независимом, констатирующе не обусловленном употреблении (т. е. именно в первичной, «парадигматической» функции) лексически несвободны структурные схемы предложе-

ний Vf_s (*Светает*), N_{N_1} (*Ночь*) и некот. др.; на уровне синтагматики, т. е. в условиях конситуации, лексическое ограничение для этих схем снимается.

В связи со сказанным — несколько замечаний о понимании минимальных единиц синтаксиса. М. М. Гухман (так же, как и некоторые другие авторы рецензируемого сборника) считает, что в синтаксисе минимальной, элементарной единицей является словосочетание, максимальной единицей — предложение (см. стр. 122, 144); конструкции типа *Я пишу* (*Я писал*) рассматриваются как «свободное словосочетание» (стр. 150). Прежде всего, исходя из тех позиций, на которых стоит сам автор статьи, нельзя рассматривать отношения между словосочетанием и предложением как отношения количественные: у того и другого — свои категориальные значения, свои формы и свои парадигматические ряды; это единицы внутренне глубоко различные, наглядно демонстрирующие иерархическую устроенность синтаксиса. Поэтому и соединение типа *Я пишу* (*Я писал*) нельзя называть словосочетанием: по всем своим грамматическим признакам это минимальная единица уровня предложения, со свойственной предложению (по никак не словосочетанию) грамматической организацией, системой форм, грамматическим значением, функциями. Именно поэтому нельзя ставить в один ряд «обязательную сочетаемость» с глаголом сильноуправляемой формы и «сочетаемость» именительного падежа (подлежащего) со сказуемым (см. ниже).

В связи с вопросом о смысловой структуре грамматической категории в статье М. М. Гухман подробно рассматривается весьма важный вопрос об инвариантном значении категории, о смысловом инварианте словоизменительных форм. Справедливо отмечая, что в парадигматическом значении грамматической категории имеет место сложность смысловой структуры и что далеко не все словоформы обладают единым простейшим значением как постоянной величиной (стр. 158), М. М. Гухман подчеркивает, что для категорий со сложной смысловой структурой характерна иерархия значений: попытки вывести для таких категорий единый дифференциальный признак «приводят к отвлекаемым и неопределенным формулировкам» (стр. 158). Это особенно ясно обнаруживается в разных трактовках значений падежей. Очевидно, что те предельно абстрактные формулировки, которые нам часто предлагают в качестве определения значений того или иного падежа, выводящихся авторами в результате последовательного неразличения значения собственно падежной формы как грамматической категории и ее вторичных функций. Падеж как грамматическая категория формирует свои значения в системе словосочета-

ний, на уровне синтаксиса слова. Поэтому его основные «парадигматические» значения должны выводиться из отношений между словами, предсказанных категориальными свойствами этих слов. Падежная форма, входящая в структурную схему предложения в качестве ее обязательного компонента (форма, реализующая обязательную сочетаемость слов, таким компонентом, на наш взгляд, считаться не может), должна быть выведена из системы значений данного падежа, так как в этом случае она реализует одну из его вторичных функций, которая не может быть включена в его инвариантное значение. Точно так же не может включаться в основное значение падежа его функция как распространителя структурной схемы предложения. Если в сочетании *Сообщить отцу новость* форма дательного падежа выступает в своем основном значении адресата, принадлежащем падежу на уровне словесных связей, то в предложениях *Отцу сегодня не до распросов* или *Отцу этот климат губителен* та же форма выступает в своей вторичной функции субъектно-объектного детерминанта, и это ее значение не имеет отношения к «парадигматическим» значениям дательного падежа, к его смысловой структуре как формы словоизменения. М. М. Гухман, таким образом, совершенно права в своем утверждении, что парадигматическое значение грамматической категории беднее суммы ее функций и что «в аспекте грамматической категории только парадигматические значения... релевантны» (стр. 159).

Не касаясь многих других вопросов, которые нашли интересное освещение в статье М. М. Гухман, остановимся кратко на проблеме «грамматического поля». Под «грамматическим полем» в статье понимается неоднородная область взаимодействия центральных грамматических категорий (ядро поля) и тех периферийных структур, которые с этой категорией взаимодействуют. Сама идея выделения «поля» интересна, однако хотелось бы найти в статье более определенный ответ на вопрос о том, как оно соотносится с моделированием на разных уровнях языковой системы. Между тем, в статье читатель сталкивается как будто бы с взаимоисключающими формулировками: с одной стороны, «грамматическое поле не является моделью структур определенного уровня» (стр. 173); с другой стороны, поле выделяется «как особая структура едица грамматического моделирования» (стр. 174; подчеркнуто нами. — *И. Ш.*).

Статья Т. В. Булыгиной посвящена проблеме грамматических оппозиций. Рассмотрев разные определения оппозиции вообще и грамматической оппозиции в частности, Т. В. Булыгина предлагает следующее определение грамматической оппозиции: это «отношение между

двумя грамматическими единицами, имеющими общий интегральный признак и различающимися при помощи одной дистрикции» (стр. 189). Подчеркивается и убедительно показывается, что оппозитивными элементами всегда являются не сами знаки, а их односторонние элементы — минимальные единицы означающего либо означаемого (стр. 191), причем оппозициям единиц означаемого соответствуют не оппозиции, а лишь различия единиц означающих. Далее, выделив такие элементы плана выражения, как фонема, слог и фонологическое слово, автор переходит к вопросу о том, что аналогично этим единицам в плане содержания. Рассмотрев точки зрения ряда исследователей, Т. В. Булыгина предлагает следующую концепцию иерархии грамматических единиц: фонеме в плане содержания соответствует граммама, т. е. совокупность не встречающихся одно без другого элементарных грамматических значений; слогу соответствует сочетание граммемы и лексемы (лексема—совокупность элементарных лексических значений); при этом граммама функционально сходна с гласной, а лексема с согласной фонемой» (стр. 202). Граммама — обязательный, центральный компонент означаемого, лексема — не обязательный. Этот последний тезис, основывающийся на том, что местоимениям отказывается в лексическом значении, кажется нам необусловленным, так как анализом семантических структур ряда многозначных местоимений можно легко доказать, что лексические значения у них присутствуют. Однако это не колеблет общих основ той системы соотношений, которую строит автор статьи. Т. В. Булыгина устанавливает сложную систему аналогических соответствий между единицами плана выражения и плана содержания (см. таблицу на стр. 208). Это построение, хотя и не во всем одинаково убеждающее, представляет большой теоретический интерес. В заключительной части статьи, продемонстрировав процедуру установления инвентаря граммем и рассмотрев вопрос о их семантической структуре, автор излагает свое понимание маркированности — немаркированности членов грамматической оппозиции. Т. В. Булыгина приходит к заключению, что это противопоставление в том, что «в тех случаях, когда противопоставление должно быть снято..., в роли „обобщающего“ обозначения выступает один из членов грамматической оппозиции, а именно тот, который в силу этой своей функции и признается нами немаркированным» (стр. 231).

Работа Т. В. Булыгиной является ценным вкладом в грамматическую теорию; приходится только сожалеть, что автор обнаруживает пристрастие к чрезвычайной и во многих случаях излишней затрудненности изложения.

В статье В. Г. Адмони вновь излагается типология предложения, предложенная автором в 1935 г. Выдвигаются семь «аспектов» предложения: логико-грамматический, модальный, аспект полноты предложения, места предложения в развернутой речи, познавательной установкой говорящего, коммуникативной задачи и степени эмоциональности. После подробного рассмотрения ряда немецких грамматик последних десятилетий автор обращается к вопросам об утвердительности и отрицательности в их отношении к модальности предложения и об актуальном членении предложения.

Выделенные семь аспектов предложения (как справедливо замечает сам автор, их могло бы быть и восемь, а может быть и больше), несомненно, являются реальными планами, под углом зрения которых могут быть рассмотрены самые разнообразные высказывания. Все эти аспекты существуют, все они принадлежат языку, — и все они глубоко различны по своей природе. И дело здесь не в том, что какие-то из этих «аспектов» принадлежат языку, а какие-то (какие же именно? см. стр. 235) будто бы «бесспорно» — речи. Прежде всего, названные «аспекты» отражают разные ступени синтаксической организации и не могут быть выстроены в один ряд; иерархический характер синтаксической системы при таком подходе затемняется, и тезис о «глубинности логико-грамматического аспекта» остается лишь декларированным. Между тем, трактовка в статье этого аспекта остается неясной.

Прежде всего следует возразить против самого термина «логико-грамматический аспект»: ведь очевидно, что в этом термине соединяются вещи совершенно различные: грамматическая основа предложения (его структурная схема, «формула», собственно грамматическая модель) и то, что современные последователи В. Матезиуса (к сожалению, В. Г. Адмони не ссылается на их работы) называют семантической структурой предложения, его семантической моделью. Объединение этих двух сторон предложения — и чисто номинальное и, тем более, в самом анализе — на наш взгляд, неправомерно. Подробно излагая немецкие грамматики, в которых формальная устроенность предложения и его логико-семантический план никак не разграничиваются, автор почему-то не информирует своих читателей о других направлениях в изучении того же объекта, о тех исследованиях, в которых делаются попытки последовательно, шаг за шагом, разграничить устройство предложения по разным ступеням грамматической абстракции — путем выделения в предложении его отвлеченной грамматической схемы, его семантической структуры и тех элементов, которые появляются в нем по правилам расширения и развер-

тивания схем (см. работы самого В. Матезиуса, М. Докулила, Фр. Данеша, К. Гаузенбласа, М. Грепла, Прж. Адамца и ряда других исследователей).

Что же включается В. Г. Адмони в понятие «логико-грамматического типа предложения?» Это — «формальные различия по морфологическому облику необходимых членов предложения, причем каждый такой формальный тип обладает своим особым обобщенным грамматическим значением» (стр. 233; см. аналогичное определение на стр. 241). В этом определении неясны оба его элемента: что понимать под «необходимым членом предложения» и что такое «обобщенное грамматическое значение» предложения? Как и во всех работах, авторы которых рассматривают (на наш взгляд, неправомерно) валентные свойства глагола как фактор структуры предложения, В. Г. Адмони в качестве примеров необходимых членов предложения привлекает конструкции, отражающие сильную связь — беспредложный падеж прямого объекта при переходном глаголе; автор даже включает этот падеж в состав «расширенного сказуемого» (см. стр. 243; как будто в построении *Я несу чемодан* связь глагола с винительным падежом чем-нибудь отличается от случая *Нести чемодан — нелегкое дело*, где никакого сказуемого усмотреть нельзя). Зная о тех аргументах, которые выдвигаются против включения распространителей глагола в структуру предложения, В. Г. Адмони пишет о том, что в предложении при этом происходят преобразования связей, переход слов форм из разряда зависимых элементов при слове в разряд необходимых членов предложения (см. стр. 242 и др.). Однако строго грамматически этот тезис в статье не доказывается, и как он может быть доказан — неясно. Что же касается «обязательной сочетаемости» именительного падежа со сказуемым или абсолютного винительного с наречием (см. стр. 244), то эти связи (как и ряд других) действительно принадлежат только предложению; но они не имеют отношения к связям, предопределенным категориальными свойствами слов.

Известно, что сильные связи на уровне синтаксиса слова («обязательная сочетаемость») далеко не ограничиваются «дополнением при переходном глаголе» (из последних работ см. исследования Ю. Д. Апресяна). Кроме того, четкие границы между сильной и слабой связью в теоретическом плане не установлены, и попытки такого установления пока еще далеко не во всем удовлетворяют. Таким образом, вопрос о том, какие же словоформы, появляющиеся при глаголе (а сказуемое может организоваться и именем, и имя в этом случае тоже будет реализовывать свои валентные свойства), являются необходимыми компонентами структуры предложения, остается открытым, а сле-

довательно остается нерешенным и вопрос о том, обзорим ли вообще круг тех «типов предложения», которые действуют как отвлеченные образцы в данном языке на данном этапе его развития. Если вспомнить при этом, что В. Г. Адмони пишет не только о типах, но и о «подтипах», о «переходных, промежуточных и пограничных случаях», об основных и «периферийных типах» (см. стр. 261 и сл.), если согласиться с самим автором, что общая картина намечаемых им логико-грамматических типов предложения «чрезвычайно пестра и противоречива», «полна переходов, подтипов и т. д.» (стр. 264), то спрашивается, как же, вооружившись таким инструментом, приступить грамматисту к конкретному и полному описанию типов предложения в конкретном языке? Выполнить такую задачу мы можем, только строго определив для себя, что такое минимальная структурная схема предложения, каковы ее собственные грамматические признаки и правила ее распространения и как эти правила взаимодействуют с системой валентных свойств слов, заполняющих схему при ее конкретной реализации.

Не менее неопределенным оказывается в трактовке В. Г. Адмони и понятие обобщенного грамматического значения предложения, отвлечаемое, с одной стороны, от отношений конкретных слов внутри предложения, с другой стороны, от фактического значения конструкции (см. стр. 263); оттенков грамматического значения, оказывается, может быть «бесчисленное множество» (там же).

Можно было бы выдвинуть и ряд возражений против принятого в статье В. Г. Адмони понимания модальности. Однако большая сложность этого вопроса не позволяет рассмотреть его в рамках краткой рецензии. Скажем только, что мы не разберемся в вопросе о том, что такое модальное значение предложения, пока не разграничим, во-первых, модальность как обязательный признак любого предложения (грамматически выражаемое отношение сообщаемого к действительности), во-вторых, модальность как характеристику сообщения (разнообразно выражаемое отношение говорящего к сообщаемому), и, в-третьих, модальность лексическую, т. е. присущие определенным семантическим группам полнозначных слов значения желания, волеизъявления и т. п. Смешение всех этих «модальностей» не дает удовлетворительного результата.

Кроме того, на наш взгляд, необходимо разграничивать житейские понятия и понятия грамматические, хотя бы они и назывались одинаково. Так, на стр. 266 В. Г. Адмони пишет, что от так называемых номинативных бытийных предложений нельзя образовать формы побудительности («побудительные предложения»), так как нельзя «превратить